

1754-1

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

1885

ЯНВАРЬ

№ 1

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОХОДѢ ПОДЪ САМАРКАНДЪ

ВЪ 1868 ГОДУ.

Въ 1865 году незначительный отрядъ русскихъ войскъ овладѣлъ городомъ Ташкентомъ. Въ слѣдующемъ году, отстоявая нашу новую границу противъ бухарскихъ и коканскихъ войскъ, перешедшихъ въ наступленіе, наши войска разбили бухарцевъ подъ Прджаромъ (на р. Сыръ-Дарьѣ), и послѣ кровавыхъ штурмовъ овладѣли городами: Ходжентомъ, Ура-тюбе и Джизакомъ.

1867 годъ прошелъ въ закрѣпленіи за нами сдѣланныхъ завоеваній.

Нашими передовыми пунктами были: къ сторонѣ Кокана—Хаджеимъ; къ сторонѣ Бухары—укрѣпленіе Яны-курганъ (на пути къ Самарканду, въ 80-ти верстахъ отъ него). Съ такою близостью русскихъ къ Самарканду—духовной столицѣ Средней Азіи—бухарцы не могли помириться, не смотря на недавніе тяжелые уроки.

Весь 1867 годъ въ Бухарѣ и Коканѣ шли приготовленія къ войнѣ съ нами. Многочисленные эмисары отъ эмира бухарскаго и хана коканскаго явились среди принявшаго наше подданство населенія и возбуждали его къ возстанію. На отрядъ нашихъ войскъ въ Яны-курганъ, подъ начальствомъ полковника Абрамова, бухарскія войска произвели нѣсколько нападений, и хотя были отбиты, но мы не двигались впередъ, чтобы наказать нападавшихъ въ ихъ гнѣздѣ, что и объяснялось нашею слабостью. Глухое броженіе, охватившее населеніе занятыхъ нами городовъ, перешло и въ степь. Начался разбѣгъ.

Въ то же время посланникъ бухарскаго эмира велъ переговоры въ Оренбургѣ о проведеніи границы съ Бухарою. Переговоры эти не привели ни къ чему, такъ какъ эмиръ не согласился подписать тѣ условія, которыя были приняты его уполномоченнымъ.

Въ ноябрѣ 1868 года въ Ташкентъ пріѣхалъ генераль-адъютантъ Кауфманъ, назначенный командующимъ войсками и генераль-губернаторомъ вновь образованнаго Туркестанскаго военнаго округа.

Быстро оцѣнивъ наше ненадежное положеніе во вѣренномъ ему краѣ, генераль Кауфманъ сдѣлалъ послѣднюю попытку кончить наши несогласія съ эмиромъ бухарскимъ миромъ и въ случаѣ неудачи рѣ-

изъ воспоминаній о походѣ подъ Самаркандъ въ 1868 г. 165

шили добиться силою оружія спокойствія какъ на нашихъ новыхъ границахъ, такъ и внутри края. Полгода прошло въ тщетныхъ переговорахъ. Противъ условій, предложенныхъ эмиру въ Оренбургѣ, генераль Кауфманъ сдѣлалъ уступку, отдавая бухарцамъ занятый нами Яны-курганъ.

Но вмѣсто согласія на эти условія эмиръ бухарскій двинулъ значительные отряды своихъ войскъ въ занятый нами горный Джизакскій районъ. Война сдѣлалась неизбежною.

Къ веснѣ 1868 года наши силы въ обширной Сыръ-Дарьинской области, разбросанныя въ 17-ти пунктахъ, состояли ⁽¹⁾ изъ 11-ти баталіоновъ пѣхоты, 32-хъ орудій полевыхъ, 380 орудій, составлявшихъ вооруженіе 17-ти укрѣпленій, и 21-й сотни казаковъ.

Къ началу апрѣля было на лицо: 260 офицеровъ и 11,200 нижнихъ чиновъ. Не доставало до штатнаго состава 130 офицеровъ, 4,200 нижнихъ чиновъ.

Необходимость занимать 17 пунктовъ для охраны территоріи, имѣвшей протяженія около 1,500 верстъ, вынуждала держать войска разбросанными. Наибольше сильно были заняты: 1) г. *Ходжентъ*, составлявшій передовой пунктъ, къ сторонѣ Кокана: 10 ротъ, дитизіонъ артилеріи, одна сотня казаковъ; 2) укрѣпленіе *Яны-курганъ*, передовой пунктъ къ сторонѣ Бухары,—10 ротъ пѣхоты, 12 орудій и три сотни; 3) въ Ташкентѣ въ общемъ резервѣ стояло восемь ротъ пѣхоты, одна рота саперовъ, 22 орудія и двѣ сотни казаковъ.

Къ веснѣ же 1868 года, такъ называемыя регулярныя войска эмира бухарскаго состояли изъ 12-ти баталіоновъ пѣхоты, 150 орудій и до 30-ти сотенъ кавалеріи.

Съ наемными туркменами и съ милиціею эмиръ приблизительно могъ располагать противъ насъ 50,000 человекъ. Такую же примѣрно силу могъ двинуть противъ насъ и ханъ коканскій.

Кромѣ того, воинственные, полунезависимыя бекства, Шаоръ и Китабъ, могли выставить противъ насъ до 20—25,000 человекъ.

При одновременномъ ударѣ этихъ силъ на нашу передовую линію протяженіемъ около 200 верстъ и при возстаніи въ тылу у насъ, оборонительный способъ дѣйствій могъ привести къ катастрофѣ.

Только быстро двинувши впередъ и нанеся рѣшительный ударъ наиболѣе угрожающему намъ нападеніемъ противнику, бухарцамъ, можно было остановить, готовое охватить всю среднюю Азію, возстаніе. Такъ и рѣшили дѣйствовать генераль Кауфманъ.

⁽¹⁾ М. Лыко. «Очеркъ военныхъ дѣйствій 1868 года въ долині Зеравшана», 1871 г.

14-го апрѣля былъ объявленъ походъ и назначенъ сборъ отряда къ Яны-кургану изъ Ташкента, Чинозы, Ходжента и Ура-Тюбе, а 30-го апрѣля отрядъ, въ составѣ 21-й роты пѣхоты, 16 орудій, пяти сотенъ казаковъ, численностью около 3,500 человекъ, выступилъ по самаркандской дорогѣ изъ Яны-кургана.

Сдѣлавъ по сильной жарѣ 32 версты, отрядъ ночевалъ въ Хишъ-Купру (каменный мостъ), а 1-го мая, сдѣлавъ 35 верстъ, вышелъ на рѣку Зеравшанъ и въ тотъ же день атаковалъ многочисленныя бухарскія войска, занявшія сильныя и укрѣпленныя Чапанатанскія высоты на другомъ берегу рѣки.

Высоты были взяты. Непріятель потерялъ свою артилерію (44 орудія) и бѣжалъ, и 2-го мая городъ Самаркандъ сдался безъ боя генералу Кауфману.

Въ теченіе первой половины мая была подчинена прилегающая къ Самарканду долина Зеравшана, причемъ отрядъ полковника Абрамова взялъ съ боя городъ Ургутъ. Въ 20-хъ числахъ мая генералъ Кауфманъ двинулъ 13 ротъ пѣхоты, 12 орудій и три сотни казаковъ подъ начальствомъ генерала Головачева къ городу Каты-кургану, противъ котораго собрались бухарскія войска, и занялъ этотъ городъ.

27-го и 29-го мая бухарцы напали на наши войска, но были отбиты съ большимъ урономъ.

Получивъ извѣстіе о переходѣ бухарскихъ войскъ въ наступленіе, генералъ Кауфманъ, оставивъ гарнизономъ въ Самаркандѣ 6 линейныхъ баталіоновъ, быстро стнулся къ Каты-кургану 20 ротъ пѣхоты, шесть сотенъ казаковъ и 12 орудій силой въ 2,100 человекъ, а 2-го іюня выступилъ для атаки бухарскихъ войскъ, занявшихъ позицію на Зерабулакскихъ высотахъ, въ десяти верстахъ отъ нашего лагеря въ Каты-курганѣ. Бухарцы были разбиты на-голову и потеряли нѣсколько тысячъ человекъ убитыми. Регулярныя войска были частью уничтожены, частью разбѣжались. Путь къ Бухарѣ сталъ открытъ.

Въ этотъ же день въ 70-ти верстахъ отъ Зерабулака гарнизонъ самаркандской цитадели былъ атакованъ возставшими жителями Самарканды, подкрѣпленными 20,000 жителей Шара и Китоба. Шесть дней продолжались непрерывныя приступы. Нѣсколько разъ непріятель врывался въ цитадель. Больные и раненые приняли участіе въ оборонѣ. Треть защитниковъ легла убитыми и ранеными. Соединеніе съ Каты-курганомъ было отрѣзано. Шесть человекъ, посланныхъ съ донесеніями, зарѣзаны.

Безпокоясь за участь гарнизона, генералъ Кауфманъ, оставивъ въ

Каты-курганѣ баталіонъ, двинулся къ Самарканду 6-го іюня и только 7-го получилъ первое донесеніе отъ коменданта Самарканды.

8-го іюня войска генерала Кауфмана атаквали Самаркандъ и вручили гарнизонъ послѣ геройской защиты вѣрной имъ цитадели. Въ наказаніе за измѣну городъ былъ сожженъ.

Эта новая побѣда остановила готовыхъ вторгнуться въ наши предѣлы кокандцевъ и вынудила къ миру эмира бухарскаго.

Походъ былъ конченъ. Дѣйствующій отрядъ силою при началѣ похода въ 3,500 человекъ, подкрѣпленный 2-го мая еще тремя ротами изъ Ташкента, 10-го іюня представлялъ всего силу въ 2,500 штыковъ и 400 пашекъ.

Потери убитыми и ранеными составили 330 человекъ. Потеря за это же время больными—до 800 человекъ.

Результатомъ похода было пріобрѣтеніе нами Зеравшанскаго округа съ городомъ Самаркандомъ и заключеніе непрерываемаго до сихъ поръ мира съ Бухарою.

Предлагаемыя ниже вниманію читателя воспоминанія о Самаркандскомъ походѣ написаны мною давно и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ ощущеній. Добавлю, что я дѣлалъ этотъ походъ 20-ти лѣтнимъ юношей, смотрѣвшимъ на многое не тѣми глазами, какими смотришь черезъ 16 лѣтъ.

Чапаната 1-го мая 1868 года.

1-го мая мы выступили съ ночлега въ Ташъ-Кунырѣ къ Самарканду. Ожидали боя. Выступили ночью. Переходъ до рѣки Зеравшана около 30-ти верстъ. Пыль. Стрѣлки (2-й роты) были разсыпаны еще на походѣ вправо отъ дороги для прикрытія походной колонны, слѣдовавшей непрерывными садами. Приходилось перелѣзть черезъ заборы, проходить въ бродъ арыки. Я командовалъ участкомъ цѣпи. Горнистъ Масловъ, видя неохоту своего молодого начальника лѣзть въ воду, добродушно предложилъ къ услугамъ свои крѣпкія плечи и переносилъ меня черезъ всѣ арыки (канавы).

Раздался первый пушечный выстрѣлъ въ авангардѣ. Цѣпь разрешили убрать. Стрѣлки рвались впередъ и безъ приказанія обгоняли запыленную колонну. Проѣхалъ Кауфманъ. Ласковый, привѣтливый, веселый. Производилъ хорошее впечатленіе. Внушалъ довѣріе. И солдаты, и офицеры еще не бывали ни раза съ нимъ въ дѣлѣ, но уже чувствовали, что это «настоящій» начальникъ.

Вышли на долину Зеравшана, и намъ открылся прекрасный видъ. Передъ нами лежали зеленныя высоты Чапанаты усѣянные многочисленными непріятелемъ. Мулушка Чапана (часовня), намъ казалось, составляла центръ непріятельской позиціи. Правѣ виднѣлись разрушенныя арки стариннаго моста временъ Тамерлана. Кауфманъ вступилъ въ переговоры. Посылалъ туземцевъ парламентарями, съ предложеніемъ, чтобы очистили позиціи и сдали намъ Самаркандъ. Сперва азіаты общались, но потомъ оказалось, что они просто хотѣли затянуть время. Имъ дали срока до 12 часовъ. Время это тянулось для насъ безконечно медленно. Но вотъ по нашему парламентарю пустили ядро. Атака была рѣшена, и генералъ Кауфманъ сталъ строить войска въ боевой порядокъ.

Наши роты, стоявшія на правомъ флангѣ самовольно передвинулись впередъ и перешли рукавъ Зеравшана, изъ боязни остаться въ резервѣ. Люди снимали сапоги. Намъ приказано вернуться на прежнее мѣсто. Товарищи послали меня къ полковнику Дмитровскому ⁽¹⁾ просить поставить насъ въ первую линію. Меня распекали и объявили, что мы назначены идти въ резервѣ. Извѣстіе это вызвало общее уныніе. Съ полчаса шли приготовленія. Офицеры и солдаты завтракали на берегу Зеравшана сухарями съ водой. Наконецъ войска тронулись впередъ. Дмитровский, подъѣхавъ, разрѣшилъ намъ потихоньку принять вправо, догнать двинувшіяся части и идти въ первой линіи, составляя крайній правый флангъ. Это исполнено съ такимъ пыломъ, что мы скоро ощутились уступомъ впереди. Идти было трудно. Приходилось переходить въ бродъ многочисленные рукава Зеравшана и рисовыя поля между ними. Глубина первыхъ рукавовъ нѣсколько выше колѣнъ, грунтъ рисовыхъ полей тонкій.

Роты наступали въ однихъ рубахахъ, оставивъ шинели и мѣшки въ обозѣ.

Бухарцы сосредоточили противъ насъ сильный огонь изъ ружей, фальконетовъ и большого числа орудій. Свистъ ядеръ и большихъ пуль становился оглушительнымъ ⁽²⁾. Начались потери. Кавалерія непріятеля старалась охватить нашъ правый флангъ. Мы шли, разсыпавъ сперва по взводу, имѣя сзади цѣпи, въ ста примѣрно шагахъ отъ нея, три остальныхъ взвода—въ разомкнутой колоннѣ. Затѣмъ разсыпали второй взводъ, который загнулся вправо противъ кавалеріи. Однимъ взводомъ въ цѣпи командовалъ я, другимъ—Юновъ. Первый залпъ картечи упалъ передъ нами, обрызгавъ съ рикошета буквально всю колонну грязью.

⁽¹⁾ Начальникъ штаба отряда.

⁽²⁾ Отъ дурной отливки ихъ.

Федоровичъ (ротный) командовалъ «бѣгомъ». Слѣдующій залпъ прошелъ надъ головами, но нѣсколькихъ задѣлъ, въ томъ числѣ смертельно ранилъ товарища по выпуску Губина. При переѣздѣ черезъ одинъ изъ рукавовъ и перевезъ на крупѣ своей лошади 17-ти-лѣтняго юношу юнкера Новаковского. Спустивъ его на землю, я приказалъ ему бѣжать впередъ, чтобы догнать цѣпь. Нѣсколько секундъ его сѣрая армячинная рубаха была мнѣ видна на зелени рисоваго поля. Затѣмъ произошло что-то непонятное для меня въ первые мгновенія. Новаковский взмахнулъ руками, упалъ навзничъ и лежалъ неподвижно. Проѣзжая мимо, я не имѣлъ силы взглянуть на него. Ядро оторвало половину головы. По мѣрѣ того, какъ усиливалась стрѣльба, мы бѣжали все сильнѣе и сильнѣе. Юновъ закричалъ: «что, каково, К.....?»—Ничего, хорошо, отвѣчалъ я,—хотя у самого начинало скрезти на сердцѣ.

Я сидѣлъ верхомъ. Первый разъ въ жизни попалъ подъ такой огонь.

Первые пули привѣтствовались скорѣе радостно: «ага, думалось, началось». Огонь усиливался, но долго не казался страшнымъ. Внутри чувствовалось и жутко, и пріятно. Когда же огонь сдѣлался очень силенъ и сталъ сопровождаться необычнымъ воемъ снарядовъ и свистомъ фальконетныхъ пуль,—въ наши двѣ роты стрѣляло 10—12 орудій и вѣроятно болѣе двухъ тысячъ человекъ,—меня охватило очень сложное чувство. Точно пленка начала застилать мои глаза. «Ого, какъ жарить! что же это дальше будетъ?»—закопошились гдѣ то вопросы. «Этакъ, пожалуй, не дойдемъ?»—зародилась мысль въ головѣ и тотчасъ была прогнана. Пленка не позволила видѣть, что дѣлается впереди и что по сторонамъ, но вблизи я ясно видѣлъ точно воспаленные глаза солдатъ. Сознательно наблюдать, чтобы не было отсталыхъ. Помню, вижу—здоровенный юнкеръ Тузиковъ, шедшій въ 4-мъ взводѣ, началъ медленно опускаться на землю и скрылся въ рисѣ. Я подскочилъ къ нему съ поднятою нагайкою: «какъ вамъ не стыдно, такой-сякой! Вы должны служить при-мѣромъ: вы кавалеръ и струсили.»—Я не трусь, отвѣчалъ мнѣ жалобнымъ голосомъ Тузиковъ:—я раненъ. И онъ приподнял мнѣ одну изъ ногъ, на которой видна была кровь. Сконфуженный, я не сказалъ ни слова и ускакалъ снова къ цѣпи.

Перейдя, какъ мы думали, послѣдній рукавъ Зеравшана, мы нѣсколько подобрались. Для переправы три взвода 1-й роты приняли вѣтви и отстали отъ насъ. Два взвода нашей роты и взводъ первой составляли довольно компактную и правильную колонну, которая двигалась за цѣпью ⁽¹⁾ примѣрно въ 50—70 шагахъ. Впереди ясно были видны

⁽¹⁾ Изъ двухъ взводовъ.

линии непріятельскихъ войскъ въ красныхъ курткахъ, орудія стояли за брустверами. Впереди батарей пѣхота стрѣляла въ насъ изъ траншей. Кто приказалъ—не знаю, но мы за нѣсколько сотъ шаговъ отъ непріятеля закричали «ура». Въ Азіи существуетъ мнѣніе, что какъ только русскіе крикнуть «ура», туземцы бѣгутъ. Помню, что смутная надежда на такой исходъ шевелилась и у меня въ мозгу, но «ура» больше кричалось для собственнаго успокоенія и не было на этотъ разъ признакомъ наилучшаго хладнокровнаго настроенія. Кричалъ «ура» и я самъ. Подбодрялъ кричать солдатъ, командовалъ юнкерамъ: «кричите громче». Крича и запыхавшись отъ бѣга, мы неожиданно наткнулись на глубокий притокъ Зеравшана. Сперва цѣпь, а за нею колонна остановились, «ура» прекратилось и замѣнилось ружейною пальбою безпорядочно открытою цѣпью. Мы наступали такъ быстро, что ранѣе пальбы изъ цѣпи почти не было. Юновъ и я отыскиали бродъ, но не важный; вода доходила до половины сѣдла, людямъ по грудь, и теченіе сильно несло. Немного вправо было еще глубже. Солдаты скучились на берегу. Непріятельская позиція была отъ насъ примѣрно въ 200—300 шагахъ. Группы всадниковъ кружились около насъ въ 50—80 шагахъ. Солдаты бросались за офицерами въ воду, подвѣсивъ сумки на шею и поднявъ высоко ружья. Офицеры ѣздили взадъ и впередъ, и къ ихъ лошадямъ каждый разъ прицѣплялись нѣсколько человѣкъ. Трехъ—четырехъ человѣкъ ранило въ самой водѣ; они кувыркались, уносимые теченіемъ; товарищи, рискуя своею жизнью, спасали ихъ. Первая рота, нѣсколько отставшая отъ насъ, увидя, что мы скучились на берегу и отстрѣливаемся по почину солдатъ, которые кричали: «братцы, надо 3-ю роту выручать», побѣжала къ намъ. Этотъ протокъ, будь непріятель поэнергичнѣе, могъ совсѣмъ остановить насъ. Переправившись на другую сторону и собравшись въ колонну, мы придвинули цѣпь на 30—40 шаговъ впередъ. Очень смутно помню эти мгновенія. Видѣлъ впереди многочисленнаго противника, слышимъ были шумъ, крики у него и какое то движеніе. Насъ встрѣтили сильною безпорядочною пальбою. Многочисленная кавалерія спускалась съ горъ въ долину противъ праваго фланга. Влѣво, уступомъ назадъ, наступалъ, какъ казалось—очень стройно, 3-й баталіонъ Баранова. Сзади насъ двигался съ своими ротами Назаровъ. Съ крикомъ «ура» мы опять бросились впередъ. Пленка закрывала глаза совершенно. Одна мысль, что «надо дойти», господствовала надъ всѣмъ, но случись неожиданность, ударъ на насъ противникъ во флангъ, поверни назадъ передовые люди,—и эти неожиданности легко увлекли бы и меня. Сознательнаго отношенія къ бою рѣшительно не было. Въ особенности помню хорошо, что ничего не видѣлъ

на сторонѣ у непріятеля. Но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя могъ еще всматриваться въ лица солдатъ. Кто-то закричалъ, что бухарцы «бѣгутъ»; крикъ этотъ радостно подхватили десятки голосовъ. Какъ камень свалился съ груди у всѣхъ. Мы были всего въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ батарей и первой линии ложементовъ; послышалось—«не давай увозить пушки»—и черезъ нѣсколько секундъ мы вскочили на батарею и кололи прислугу. Бухарцы отступали передъ нами, отстрѣливаясь. Чапанатинскія высоты, на которыя мы лѣзли за бухарцами, были высоки и круты. Люди запыхались; впереди осталось только нѣсколько человѣкъ, двое держалось за хвостъ моей лошади. Солдаты приостанавливались на минутку и затѣмъ опять лѣзли впередъ, гдѣ шагомъ, гдѣ бѣгомъ. Запыхались необычайно. Стрѣлять почти не было возможности. Мы настигли хвостъ непріятеля и какъ бы смѣшались съ нимъ. Настигнутыхъ кололи и стрѣляли. Г...ъ подлѣхалъ ко мнѣ и просилъ «остановить рѣзню»; я не зналъ, что отвѣчать ему, такъ мнѣ казалось естественнымъ, что, догнавъ непріятеля, убиваютъ его.—Не прикажите бить хотя этого,—и онъ показалъ мнѣ вправо группу. Солдатъ свалить бухарца на землю и собирался заколотъ его штыкомъ. Назвавъ солдата по фамилии, я приказалъ ему бѣжать впередъ и не убивать бухарца. Солдатъ не сразу понялъ и, помнится, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня, но тѣмъ не менѣе побѣжалъ впередъ. Мы поѣхали съ Г.....ъ рядомъ. Вдругъ раздался выстрѣлъ, и у Г.....ъ сорвало съ шапки кусокъ козырька. Мы обернулись. Спасенный сарбазъ сидѣлъ и держалъ въ рукахъ большой дымящійся пистолетъ. Сзади къ нему уже подбѣгалъ съ приподнятымъ ружьемъ коренастый, косопалый солдатъ. Еще секунда—и солдатъ ударилъ сарбазу въ бокъ. Сарбазъ упалъ, потомъ схватилъ дуло ружья и приподнялся; солдатъ вырвалъ ружье и снова ударилъ....

На этотъ разъ Г...ъ молчалъ.

При наступленіи по горѣ мы лѣзли къ мулушкѣ (часовнѣ), стоявшей на гребнѣ высоты. Почему то наши офицеры принимали ее за тронъ Тамерлана и думали, что кто первый дойдетъ до него, тотъ получить Георгія. Юновъ, Транзе и я, двигаясь съ передовыми людьми цѣпи, добрались до мулушки одновременно, но каждому казалось, что онъ достигъ ея первый.

Собравшись къ мулушкѣ, мы двинулись впередъ къ Самарканду, сады котораго открывались передъ нами. Мы готовы были штурмовать городскую стѣну въ тотъ же день, но насъ остановили, вернули назадъ и выстроили для объѣзда Кауфмана. Къ мѣсту, гдѣ мы строились подносили раненыхъ. Подлѣхавъ къ намъ со свитою и поблагодаривъ

людей, генераль Кауфманъ спросилъ ротнаго командира Федоровича о потерѣ въ нашей ротѣ, на что Федоровичъ не могъ дать точнаго отвѣта. Генераль подъѣхалъ веселый и радостный. Сказавъ нѣсколько ласковыхъ словъ солдатамъ, онъ съ состраданіемъ смотрѣлъ на раненыхъ. Одному изъ нихъ, Дулевскому, у котораго была раздроблена нога, онъ подаль золотой. Раненый слегка приподнялся съ носилокъ и взялъ деньги, но мнѣ чудилось, что онъ взглянулъ на генерала съ укоризною. Мнѣ тоже показалось лишнимъ давать въ подобную минуту страдающему деньги.

Толстый, любимый нами, Головачевъ съ сіяющимъ лицомъ рассказывалъ Кауфману, бывшему во время дѣла на лѣвомъ флангѣ отряда, подробности о нашей атакѣ.

Рота составила ружья. Я со взводомъ былъ посланъ подобрать нашихъ раненыхъ. Приходилось слѣдовать по нашему пути наступленія. Мертвые и умирающіе бухарцы уже мало дѣйствовали на мои нервы. У одного опрокинутаго заряднаго ящика лежало нѣсколько труповъ бухарцевъ, и нѣсколько солдатъ линейнаго баталіона дѣлили мѣшокъ съ серебряною монетою. Каждый по очереди запускалъ руку и бралъ на свою долю—сколько попадало въ горсть. Далѣе, взявши лѣвѣе (при обратномъ слѣдованіи) нашего пути наступленія, мы вышли надъ обрывомъ въ Зеравшанъ близъ развалинъ древняго моста. Тутъ пришлось быть свидѣтелями тяжелой сцены. Еще въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ обрыва мы замѣтили около него довольно значительную группу людей русскихъ и туземцевъ, которые, какъ всѣмъ казалось, барахтались между собою.

Думая что нужна помощь, солдаты бросились бѣгомъ. Подскакавъ къ обрыву, я нашелъ уже только съ десятокъ русскихъ солдатъ. Всѣ туземцы были штыками сброшены съ обрыва внизъ.

Понесавъ спускъ, мы вышли къ Зеравшану. Надо было отыскать бродъ. Понадѣявшись на своего коня, я заставилъ его войти въ воду. Прямо съ берега онъ окунулся съ головою и поплылъ. Сбитый съ сѣдла, я ухватился за гриву лошади и плылъ рядомъ. Теченіе несло насъ весьма быстро. Это все произошло такъ неожиданно, что бывшіе со мною стрѣлки растерялись. Они бѣжали по берегу и, чувствуя свою безпомощность, только испуганно кричали «ваше благородіе, ваше благородіе». Нѣсколько разъ мой конь пробовалъ выбросить ноги на противоположномъ берегу, но теченіе быстро поворачивало назадъ и, покруживъ, насъ снова несло впередъ. Лошадь и я стали выбиваться изъ силъ. Къ счастью, при одномъ изъ поворотовъ рѣки насъ нанесло на песчаный откосъ, и мы выбрались на берегъ. Выливъ изъ сапогъ воду,

весь мокрый, я взобрался на карьку и поѣхалъ берегомъ обратно. Солдаты двигались по противоположному берегу. Дойдя до мѣста переправы нашей роты, мы нашли всѣхъ нашихъ раненыхъ уже большею частью собранными и перевязанными врачомъ Шириевымъ. Они лежали и частью подвозились въ телѣгахъ. Въ одной изъ нихъ лежалъ и мой товарищъ Губинъ. На мой безмолвный вопросъ Шириеву онъ тихо сказалъ мнѣ—«смертельно; умереть сегодня». Губинъ узналъ меня. Я поправилъ ему руку, неловко торчавшую изъ телѣги, велѣлъ переложить на носилки и нести на нихъ до бивака. Его первые вопросы были: Ионовъ живъ?—Да. Транзе?—Да. Федоровичъ? — Да.... — Боже! простоналъ Губинъ.—Вы всѣ живы—одинъ я.... Въ страдалицѣ эгоистично работала еще мысль.

Не далеко въ фургоны лежалъ убитый Новаковский. Ко мнѣ подъѣхалъ Г....., очень любившій юношу.—Новаковский убитъ?—Убитъ.—Гдѣ онъ? Я показалъ рукою. Г..... слѣзъ съ лошади и влѣзъ въ фургонъ. Нѣсколько минутъ онъ не выходилъ оттуда. Возвращаясь къ своей лошади, онъ плакалъ и не стыдился своихъ слезъ.—Бѣдный юноша! Бѣдная мать! повторялъ онъ глубоко растроганнымъ голосомъ.

Пришелъ раненый юнкеръ Тузиковъ. Изъ всего костюма у него сохранились верхняя и нижняя рубахи и фуражка.

На него и на другихъ раненыхъ напали забравшіеся въ тылъ наступавшихъ войскъ бухарскіе всадники. Они напали также на застрявшую на рисовомъ полѣ батарею. Прислуга отбилась шапками, но въ двухъ орудіяхъ построики были уже отрѣзаны.... Это нападеніе застало Тузикова раздѣвшимся для перевязки раненой ноги. Онъ самъ перевязалъ ее гультиками, но не успѣлъ надѣть ни штаны, ни сапогъ. Поднявъ поясъ съ патронами и схвативъ ружье, онъ, отстрѣливаясь, отступилъ къ своимъ, но штаны и сапоги были потеряны. Принимъ, хромя и опираясь на ружье.

Обозъ съ ранеными потащился къ садамъ, выбраннымъ для бивака отряда.

По той-же дорогѣ какая то линейная рота тащила двѣ бухарскія пушки, но, выбившись изъ силъ, бросила ихъ.

Сумерки спускались быстро, и бивакъ нашей роты былъ найденъ нами уже въ темнотѣ. Раненыхъ уложили вдоль забора (между ними былъ и горинетъ Масловъ, переносившій меня черезъ ровъ; еще помню Черемнаго, раненаго въ шею, Пирятинскаго, которому пробило языкъ и обѣ щеки, Дулевскаго, Маркевича и др.).

Всѣхъ раненыхъ уложили рядкомъ вдоль стѣнки небольшого сада намъ отведеннаго. На правомъ флангѣ раненыхъ лежалъ на желѣзной

кровати Губинъ. Въ сторонѣ отъ раненыхъ, покрытые шинелями, лежали убитые. Рота въ составѣ врядъ ли болѣе 70 человекъ, сложивъ ружья въ козлы, разбившись группами, тихо сидѣла на землѣ. Мокрые и голодные солдаты, послѣ перенесенныхъ ощущений, слушая стоны своихъ товарищей, примолкли.

Въ углу плотникъ тюкалъ топоромъ, сбивая изъ нѣсколькихъ сартовскихъ дверей гробъ Новаковскому, котораго, по желанію Г....ъ, мы обѣщались похоронить передъ выступленіемъ.

Послѣ боя у насъ наступила реакція. Боевое одушевленіе смѣнилось тяжелымъ расположеніемъ духа. Впереди рисовались новыя битвы, новыя жертвы. Многіе вѣроятно вспоминали свои родные углы. Я бросивъ свою лошадь не привязанною; забрался въ уголокъ сада и съ гнетущимъ настроеніемъ духа сидѣлъ весь мокрый послѣ переправы и невольнаго купанья. Молодые нервы были сильно напряжены. Не хотѣлось никого видѣть, ни съ кѣмъ говорить.

Въ саду начали раскладывать костры. Ночь наступала довольно холодная. Не смотря на то, что меня била лихорадка, не хотѣлось подойти къ костру. Не вдалекѣ отъ меня нѣсколько солдатъ что-то держали надъ огнемъ, повертывая во все стороны. Работали болѣе часа, потомъ двинулись ко мнѣ. Оказалось, что они розыскали мою лошадь, отвязали короткое пальто, подбитое бараньимъ мѣхомъ (какъ у насъ называли «тужурку»), всю насквозь промокшую, и, сами голодные, работали для молоденькаго офицера, даже не ихъ прямого начальника. Съ нѣсколько сконфуженнымъ видомъ они начали, подойдя ко мнѣ: «а мы вотъ принесли вамъ теплое». Потомъ заставили меня всего раздѣться, завернули меня какъ ребенка въ теплый мѣхъ, подъ ноги и сидѣнье притащили какое то рванье изъ соседнихъ сакель и затѣмъ быстро высушили все снятыя съ меня принадлежности костюма. Когда они ушли, я заплакалъ въ своемъ уголку. Но это были хорошія слезы. Въ тѣ минуты для меня быстро постигалась чудная натура нашего солдата, создавалась и крѣпилась неразрывная съ нимъ связь на всю жизнь. И теперь, черезъ 16 лѣтъ, эта ласка, эта забота солдатъ къ юношѣ-офицеру служить для меня примѣромъ и напоминаніемъ всемъ болѣе молодымъ моимъ сослуживцамъ...

Обозы пришли около 12 часовъ ночи. Тотчасъ же часть людей засуетилась; притащили воду, дрова, разгрузили артельную повозку и начали готовить пищу.

2-го мая 1868 года.

Со свѣтомъ тронулась скромная процессія хоронить Новаковского. Ранѣе, чѣмъ мы достигли могилы, насъ встрѣтилъ есаулъ (Александръ

Павловичъ) Хорошкинъ⁽¹⁾. Онъ передалъ стрѣлкамъ приказаніе Кауфмана немедленно строиться по дорогѣ къ Самарканду. Пища еще не была готова. Безъ слова упрека, глубоко вѣря, что такъ и надо, солдаты опрокинули котлы съ недоварившимся супомъ и кашею, уложили мясо въ телѣгу и быстро выбѣжали изъ сада, гдѣ насъ построили вдоль дороги. Подѣхалъ Кауфманъ—серьезный, но спокойный. Онъ сказалъ нѣсколько словъ, смыслъ которыхъ былъ тотъ, что онъ предоставляетъ намъ, стрѣлкамъ, честь первыми войти въ Самаркандъ съ боемъ или безъ боя. Мы прокричали молодецки, «рады стараться». Оказалось, что ночью къ Кауфману явились послы съ предложеніемъ идти и занимать городъ. По ихъ разсказамъ, послѣ отступленія бухарскихъ войскъ съ Чананатинскихъ высотъ, они покинули и городъ, вызвавъ ожесточенную борьбу партій войны (муллы, байгуши) съ партіею мира (по преимуществу зажиточные люди). Много народа было перебито. Въ одной изъ мечетей зарѣзано до 60 муллъ. Одолѣла партія мира; она и выслала къ Кауфману посланцевъ, проси спѣшить: они опасались, что, съ подходомъ къ городу новыхъ войскъ отъ Бухары, партія войны снова возьметъ верхъ. Посланцы отвѣчали только за настоящую минуту.

Кауфманъ не вѣрилъ въ ихъ искренность; да и мы все думали, что это ловушка. Старые, упорные слухи о заложеной въ воротахъ Самарканда минѣ были у всехъ на умѣ.

Изъ нашихъ двухъ ротъ составили передовой отрядъ и передовую штурмовую колонну, за которыми только въ трехъ стахъ саженьяхъ слѣдовалъ полковникъ Назаровъ съ девятымъ баталіономъ.

Намъ было предписано, дойдя до главныхъ самаркандскихъ воротъ, штурмовать ихъ, если они будутъ затворены. Если бы мы взлетѣли на воздухъ, вторая колонна должна повторить штурмъ; ея отдаленіе было разсчитано такъ, чтобы при взрывѣ не пострадать. Посланцы Самарканда въ богатыхъ парчевыхъ халатахъ, по приказанію Кауфмана, были поставлены въ голову нашей колонны и отданы каждый на руки двухъ стрѣлковъ съ приказаніемъ по первому въ насъ выстрѣлу со стѣны заколотъ ихъ. Толстые посланцы, услышавъ такое распоряженіе, забормотали про себя молитвы. Могли ли они отвѣчать, что какойнибудь шальной фанатикъ не выпуститъ пулю въ ненавистныхъ гяуровъ!

Офицеры наши оставили своихъ лошадей въ обозѣ. Осмотрѣли патроны, назначили по шести человекъ въ роту дежурныхъ съ носилками. Тихонько бесѣдовали съ людьми, напоминая, что на насъ будетъ смо-

(1) Убитъ въ коканскую экспедицію 1876 года.

трѣть весь отрядъ, что насъ выбрали изъ всѣхъ какъ самыхъ надежныхъ и, что бы ни случилось, намъ назадъ лѣзть никакъ не приходится, что вообще надо «постараться». По рядамъ шло «постараемся», шло безъ эффекта, но по серьезнымъ, рѣшительнымъ лицамъ солдатъ видно было, что они сознавали важность наступающей минуты: вѣрили въ себя и вѣрили въ своихъ начальниковъ.

До самаркандскихъ воротъ было около четырехъ верстъ. Мы двинулись. Дорога шла садами и частью заборами. Намъ не попадалось ни души. На сердцѣ лежала у каждаго тяжелая дума: взорвутъ или не взорвутъ? Штурмъ безъ взрыва не казался страшнымъ. А надъ всѣми мыслями господствовало одно желаніе: узнать поскорѣе свое рѣшеніе, какое бы оно ни было. Роты безъ приказанія все прибавляли шага. Версты за двѣ мы шли почти въ припрыжку съ небольшими паузами. Съ посланцевъ катилъ потъ. Они почти задыхались. Но вотъ примѣрно въ 600 шагахъ показалась самаркандская стѣна. Безъ команды вся колонна бросилась бѣгомъ. Кругомъ было полное безмолвіе. Широко раскрытыя ворота манили насъ. Страшная загадка: жизнь или смерть ожидала насъ въ этихъ воротахъ; еще разъ пробѣжали въ мозгу отрывочныя мысли, но останавливаться было нельзя. Однимъ потокомъ ворвались мы въ ворота, перебѣжали ихъ, остановились на площадкѣ передъ ними и, запыхавшіеся, сразу повеселѣвшіе, смотрѣли другъ на друга, точно не вѣрили въ свое счастье. Но мѣшкать было нельзя. Тотчасъ же къ воротамъ назначили караулъ, а мы двинулись занимать цитадель. Улицы были пустыни, всѣ лавки заперты. Жители ждали грабежа. Близъ входа въ ворота у первыхъ домовъ стояла толпа въ нѣсколько десятковъ человѣкъ съ смурыми лицами. Передъ ними стоялъ какой-то старикъ съ бѣлою бородою.

Солдаты шли въ замѣчательномъ порядкѣ. Ни одинъ не вышелъ изъ строя; ни одна лавка не была тронута. Вошли въ цитадель всею вѣтхую и безъ эсplanады, и затѣмъ насъ ввели на дворъ самаркандскаго дворца. Это былъ большой, хорошо вымощенный плитамъ дворъ. Вокругъ съ трехъ сторонъ шла живописная азіятская галерея и рядъ комнать, изъ которыхъ нѣкоторыя были выложены по стѣнамъ небольшими зеркалами. Направо отъ входа на возвышеніи лежала каменная груда, которую намъ называли трономъ Тамерлана (его называли кокташъ, что значитъ голубой камень). Въ дѣйствительности онъ, сколько мнѣ помнится, сѣроватаго цвѣта.

Вслѣдъ за нами вошли роты съ Назаровымъ. Принявъ общее начальство, онъ построилъ насъ покоемъ. Вѣхалъ Кауфманъ. Войска держали на караулъ, музыка играла. Всѣ мы съ гордостью глядѣли на

вождя своего, котораго и любили, и которому довѣряли вполне. Торжественность минуты видимо потрясла Кауфмана.

«Поздравляю васъ съ занятіемъ столицы Азіи—Самарканда!» громко и радостно привѣтствовалъ онъ насъ. Неудержимое «ура!» въ отвѣтъ долго гремѣло во дворцѣ Тамерлана.

Подходившія къ городу войска направлялись черезъ городъ по каты-курганской дорогѣ, гдѣ и становились бивакомъ.

Гарнизонъ цитадели города оставили 6-й баталіонъ и наши двѣ роты. Мы простояли въ городѣ нѣсколько дней, затѣмъ тоже перешли вмѣстѣ съ генераломъ Кауфманомъ въ лагерь.

На другой день послѣ дѣла къ намъ подошла 4-я рота нашего баталіона съ командиромъ баталіона, полковникомъ Пинцемуки.

Нѣсколько дней, проведенныхъ нами въ городѣ, прошли быстро. Первые дни устранивали и очищали лазаретъ для раненыхъ и помѣщенія для себя. Топили въ прудѣ найденные большіе запасы пороха.

Старшіе офицеры подавали намъ, молодымъ, примѣръ заботливости о раненыхъ своей роты. Все, что только можно было достать получше: молоко, бѣлый хлѣбъ, морсѣ, куръ,—мы несли къ нимъ. Въ особенности трудно было устроить чистыя постели съ подушками и простынями, добиться чистаго бѣлья на людяхъ, чистыхъ полотенецъ.

Цѣлые часы мы просиживали у раненыхъ товарищей, изъ коихъ Губинъ удивлялъ докторовъ. Картечь сорвала часть черепа и обнажила мозгъ. Каждый день врачи ждали смерти, но молодая жизнь упорно боролась съ нею. Бѣдняга продолжалъ думать, что онъ только контуженъ. Часто находился въ полной памяти; тогда говорилъ намъ: «Странная эта контузія: точно щипцами вырываютъ изъ головы кусочки тѣла». Онъ умеръ только на седьмой день. Сперва начался параличъ ногъ, рукъ, головы. Въ послѣдній день только слабое дыханіе указывало, что жизнь еще не погасла. Во время болѣзни справлялся, будетъ-ли онъ представленъ къ Владиміру.

Генералу Кауфману, утѣшавшему его, отвѣтилъ, сознавая уже близость смерти: «что же дѣлать! за то Самаркандъ взятъ».

Выведя изъ города, насъ поставили лагеремъ подъ Самаркандомъ. Мы жили скромно. Дѣлали экскурсіи по окрестностямъ. Набросились на прекрасные фрукты. Ѣздили въ городъ, осматривали достопримѣчательности его. Саперы и рабочіе отъ войскъ приводили въ оборонительное положеніе цитадель. Жители открыли лавки. Солдаты въ одиночку безъ оружія ходили между ними. Отдѣльные отряды были посланы въ Кара-тюбе (1) и къ городу Ургуту. Послѣдній былъ взятъ Абрамовымъ послѣ

(1) По дорогѣ къ гор. Шаору и Китабу.
Т. СЕХІ Отд. I.

довольно горячаго дѣла. Товарищъ нашъ Бородаевскій въ этомъ дѣлѣ раненъ батикомъ ⁽¹⁾ по головѣ. У него видѣлся такой незначительный шрамъ на лбу, что мы уговорили его снять повязку. Впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, начались головныя боли, и онъ умеръ отъ этого удара.

Въ двадцатыхъ числахъ мая генералъ Кауфманъ сформировалъ отрядъ подъ начальствомъ Головачева, которому поручилъ взять укрѣпленіе Каты-курганъ.

Снова начался походъ. Намъ захватилъ на дорогѣ песчаный буранъ. Ничего не было видно. Отрядъ сталъ среди дня бивакомъ. Къ вечеру пошелъ дождь и разразилась гроза. Ночлежъ въ эту ночь былъ тревожный. Строили штурмовыя лѣстницы. Въ нѣсколькихъ верстахъ передъ городомъ развернулись въ боевой порядокъ. Стѣны прекрасно освѣщались восходящимъ солнцемъ. Начались переговоры, и городъ сдался безъ боя. Молодежь—офицеры и многіе солдаты непритворно огорчились, что дѣла не будутъ.

Отрядъ торжественно вступилъ въ городъ. Жители стояли по главной улицѣ. Мы дошли до урды (цитадели) и ступенями поднялись во внутрь ея. Тотчасъ же приступили къ приспособленію этой урды для обороны на гарнизонъ въ двѣ роты, а весь отрядъ расположился за городомъ общимъ бивакомъ на р. Кара-су. Наши три роты размѣстили въ городѣ, въ прекрасномъ саду, гдѣ мы составляли прикрытіе главной квартиры Кауфмана (генералъ Головачевъ стоялъ съ отрядомъ въ лагерь).

Наши офицеры по вечерамъ пѣли хоромы пѣсни. Кауфманъ, замѣтивъ, что мы умолкаемъ при его приближеніи, сердечно просилъ насъ продолжать, говоря, что мы доставляемъ ему большое удовольствіе.

Начали черезъ нѣсколько дней получаться тревожныя слухи. Армія бухарцевъ изъ отборныхъ сарбазскихъ баталіоновъ расположилась въ 10-ти—12-ти верстахъ отъ насъ (можетъ быть нѣсколько менѣе) на Зерабулакскихъ высотахъ.

Насъ перевели въ лагерь, куда переѣхалъ и Кауфманъ. 27-го и 29-го мая бухарцы нападали на насъ, но были отбиты безъ труда.

Помню, 27-го мая убитъ кавказецъ, ординарецъ начальника кавалеріи. Богатырь, огромнаго роста, онъ при преслѣдованіи зарвался впередъ и былъ тяжело изрубленъ. Везли, перекинувъ черезъ сѣдло, ноги и руки касались земли.

Въ одну изъ ночей бухарцы сняли казачій пикетъ. Казаки расположились на этомъ пикетѣ какъ дома и стреножили коней. Одного или

(1) Палка съ желѣзнымъ на концѣ набалдашникомъ.

двухъ убили. Одинъ получилъ 12 или 14 ранъ. Наконецъ, одинъ прискакалъ цѣлый. Раненый, весь забинтованный, сидѣлъ подъ арбою и стоналъ. Товарищи отгоняли мухъ, сядившихся на всюду просачивающуюся кровь. Голова, спина, грудь, руки и ноги были порублены. Цѣло осталось одно сидѣнье. Къ общему удивленію, казакъ этотъ выздоровѣлъ.

Ночью, кажется на 28-е или 29-е мая, мы были разбужены криками «въ ружье» и потомъ «ура». Выскочивъ въ одной рубашкѣ и кое-какъ натянувъ пальто, я бросился съ товарищами къ козламъ и, схвативъ ружье, сталъ ждать въ темнотѣ нападенія. Солдаты быстро выстроились и стояли въ безмолвіи съ ружьями наготовѣ. Темнота была полная. Вдали по фасу шли крики «ура», которые, начавшись недалеко отъ насъ, обошли всѣ войска, стоявшія покоемъ. По разбору оказалось, что оставшіяся въ живыхъ казакъ увидѣлъ во снѣ, что его рѣзали. Онъ вскочилъ и отчаянно закричалъ: «спасите, рѣжутъ!» Деньщики, кипятившіе воду въ чайникахъ, крикнули: «бухарцы! бухарцы! «ура!».

«Ура» было подхвачено выскакивающими изъ палатокъ солдатами и прошло по всей линіи. Генералъ Головачевъ, разсерженный, приказалъ произвести разслѣдованіе. Дежурный по лагерю, обошедшій всѣ посты, доложилъ, что все спокойно. Роты долго не распускались. Всѣ солдаты и мы имѣли нѣсколько сконфуженный видъ...

Жары стали невыносимы. Пыль въ лагерь проникала всюду. Мы купались въ Кара-су, сбрасываясь съ обрыва и плавая по теченію.

Въ первыхъ числахъ іюня насъ посылали (двѣ роты) на фуражировку въ окрестности города за скотомъ, такъ какъ жители не хотѣли продавать намъ необходимаго количества и начали, въ виду близости бухарцевъ, относиться къ намъ враждебно.

Капитану Попову, начальнику фуражировки, было приказано произвести ее безъ потерь, подъ его отвѣтственностью.

Это было исполнено. Отдѣльные фанатики бросали въ насъ камни, грозили батиками, а мы все двигались, забирая скотъ. Грабежа не было. На одномъ обширномъ дворѣ стоялъ очевидно бухарскій постъ. Къ этому двору насъ подошло человѣкъ 40, при двухъ офицерахъ. До 30-ти лошадей видны были по стойламъ. Толпа въ богатыхъ халатахъ приготовилась защищаться. Въ щелки массивной двери просовывались клинки шашекъ и дула ружей. Стѣны двора (курганчи) были высоки и толсты. Задоръ взялъ насъ. Мы добыли огромное бревно, и человѣкъ 20 начали бить имъ ворота. Человѣкъ 15 солдатъ и офицеры стояли наготовѣ, чтобы броситься внутрь, какъ только ворота будутъ разбиты. Бухарцы тоже готовились къ отпору. На нашу бѣду прискакалъ, испу-

ганный возможностью потери, Поповъ, который и заставилъ насъ уйти, не докончивъ начатаго дѣла.

8-го іюня съ разсвѣтомъ отрядъ тронулся къ Зерабулакскимъ высотамъ, съ цѣлью атаковать бухарскую армію.

Утро было свѣжее. Каждый зналъ, что предстоитъ бой. Съ командой: «ружья вольно, шагомъ маршъ (справа по отдѣленіямъ)», шапки были сняты и солдаты долго крестились. Странно: многіе офицеры тоже молились въ душѣ, но имъ казалось стыдно, даже *неприлично* передъ товарищами обнаружить свое настроеніе крестомъ.

Утренній туманъ еще не разсѣлся. Начальство объѣхало насъ и поздоровалось. Мы входили въ составъ авангарда, подъ начальствомъ полковника Пистолькорса. Одна изъ нашихъ ротъ (1-я) была оставлена гарнизономъ въ Каты-курганѣ. Я изъ 3-й роты перешелъ въ 4-ю, въ которой числился съ пріѣзда въ баталіонъ въ 1866 году. Раньше всего перестрѣлка началась въ обозѣ и по флангамъ съ окружившими насъ всадниками. Скоро мы были остановлены и построены въ боевой порядокъ. Наши двѣ роты составили правое крыло. Четыре орудія 12-ти-фунт. облегченныхъ Топорнина — центръ; затѣмъ шли, сколько помню, роты 3-го баталіона. Влѣво отъ насъ для атаки праваго фланга непріятеля Абрамовъ велъ другую колонну, въ составъ которой входили 4-й и 5-й линейные баталіоны. Обозъ стягивался въ общій вагенбургъ подъ защитой ротъ 9-го баталіона.

Кавалерія была большею частью при авангардѣ. Мы еще стояли въ колоннѣ, какъ непріятельское ядро шлепнулось въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Затѣмъ насъ двинули влѣво отъ дороги и остановили въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ подошвы Зерабулакскихъ высотъ, сильно занятыхъ непріятелемъ. Приблизившись къ подошвѣ, мы невольно были поражены развернувшейся передъ нами картиною.

По яркой зелени высотъ лежали густыя цѣпи бухарской пѣхоты и за ними стояли поддержки въ колоннахъ. На нашихъ глазахъ цѣпи поднялись и обозначили ярко-красныя линіи на зеленомъ фонѣ. Еще нѣсколько мгновений — и бухарцы въ большомъ порядкѣ двинулись впередъ, затѣмъ остановились въ 400—500 шагахъ отъ насъ, открыли по всей линіи огонь, застилавшій ихъ дымомъ. Но они цѣлили плохо. Всѣ пули шли у насъ надъ головами, но свистъ былъ чрезвычайный. Мы отвѣчали неторопливымъ, но смертоноснымъ огнемъ.

Наши орудія открыли огонь картечью, вслѣдствіе близости и густоты массъ противника; каждая очередь картечи изъ четырехъ орудій прокладывала широкую кровавую брешь въ ихъ рядахъ; пѣхота наша въ необыкновенномъ порядкѣ, какъ на ученьи, стояла на мѣстѣ въ рот-

ныхъ колоннахъ съ слабыми впереди цѣпиями и ждала приказа. Чувствовалось, что рѣшительная минута приближается быстро.

Настроеніе войскъ было прекрасное. Помню, свистъ пуль производилъ странное, но въ общемъ пріятное впечатлѣніе. Стоя въ цѣпи, я дышалъ полною грудью. Думалось — вотъдохну быть можетъ послѣдній разъ. Кровь шумѣла въ жилахъ, жизнь казалась прекрасной, разставаться съ нею было жалко, но въ общемъ испытывалось жгучее, ни съ чѣмъ несравнимое наслажденіе сознавать, что эта жизнь каждую секунду можетъ улетѣть.

Пищемики послали меня спросить у Пистолькорса позволенія начать наступленіе. Я поскакалъ. Пистолькорсъ стоялъ блѣдный отъ гнѣва и отчаянно махалъ папашою Штрандтману, посланному съ казаками на лѣвый флангъ бухарской пѣхоты. Казаки пріостановились и не шли, какъ онъ хотѣлъ, въ атаку.

Вслушавъ меня, Пистолькорсъ подѣхалъ къ намъ, и съ громкимъ «съ Богомъ, молодцы!» двинулъ насъ впередъ. Топорнинъ лихо вынесся впередъ и, какъ намъ казалось, чуть не въ упоръ выпустилъ очередь и двѣ картечи. Сблизившись, мы крикнули «ура!» и бросились на бухарцевъ, во много разъ болѣе многочисленныхъ, чѣмъ мы. Бухарцы не выдержали и побѣжали. Мигомъ болѣе упорные, покинутые своими товарищами, были заколоты. Солдаты ломали ружья своихъ враговъ. Довольно безпорядочно выглядѣли и мы. Офицеры, собравшись въ кучку верхами, атаковали болѣе упорныхъ, изъ отступавшихъ туземцевъ. Помню, форменный солинггенскій клинокъ дѣйствовалъ въ моихъ рукахъ мало успѣшно. Помогалъ револьверомъ. Одинъ бухарецъ, промахнувшись, ранилъ мою лошадь короткимъ копьемъ. Одного товарища ударомъ приклада по шеѣ сшибли съ коня.

Пушки скакали между одиночными бѣглецами, опережая пѣхоту и останавливаясь противъ болѣе густой толпы, валили ее и разсѣвали картечью. Пѣхота, съ охрипшими грудями, лѣзла впередъ. Кавалерія за-скакала части бухарской пѣхоты въ тылъ и отрѣзала отступленіе. Одинъ баталіонъ сарбазовъ, охваченный кавалеріею и прижатый пѣхотою, весь легъ, покрывъ землю какъ макомъ. Авганцы съ Искандеръ-ханомъ, весною принятые нами на службу со службы бухарцевъ⁽¹⁾, рубили отлично. Замѣтивъ переговоры своихъ съ авганцами, еще находившимся на службѣ въ Бухарѣ, Искандеръ-ханъ собственноручно зарубилъ нѣсколькихъ своихъ конниковъ.

Помню, какъ одинъ авганецъ, свалившись съ убитой лошади, схватился съ дюжимъ бухарцемъ въ рукопашную. Бухарецъ, раненый, упалъ

(1) Не заплатившихъ имъ назначеннаго содержанія.

авганаецъ сѣлъ на него и нѣсколько разъ вонзилъ въ него свой большой кинжалъ. Каждый разъ, когда онъ выдергивалъ кинжалъ, приподнимался на локтяхъ и бухарецъ.

Мимо тихонько проѣхалъ молодой казакъ-оренбурецъ; онъ плакалъ. Шея его была проткнута пикою. Странно, что, не смотря на его тяжелую рану, этотъ казакъ своими слезами вызвалъ только наши насмѣшки, а не сожалѣнія.

На нашемъ лѣвомъ флангѣ бухарцы оказались болѣе стойкими. Они сами двинулись навстрѣчу нашимъ наступавшимъ противъ нихъ войскамъ 5-го и 4-го баталіоновъ. Шли точно пьяные (говорили, что накурились гашиша). 5-й баталіонъ и бухарцы приостановились, не дойдя другъ до друга нѣсколькихъ шаговъ. Настала томительная минута, въ теченіе которой неизвѣстно было, кто повернетъ назадъ: мы или бухарцы. Примѣръ Грипенберга ⁽¹⁾ и офицеровъ: Каншина, Бородовскаго и другихъ, бросившихся впередъ и увлекшихъ солдатъ, рѣшилъ побѣду въ нашу пользу: послѣ короткой рукопашной схватки бухарцы побѣжали.

Побѣда была полная.

Все поле было усеяно трупами нашихъ неумѣлыхъ враговъ. Все живое скрылось изъ глазъ.

Эмиръ собралъ на Зерабулакѣ свое отборное войско до 6,000 сарбазовъ, одѣтыхъ за-ново въ красныя куртки, съ ружьями въ большинствѣ мѣстнаго издѣлья, курковыми и кремневыми со штыками. Народъ высокій, очень красивый, чернобородый. Въ ихъ числѣ было много персовъ.

Наши роты были собраны и прилегли сдѣлать передышку на песчаномъ бугрѣ близъ дороги. Жажда мучила насъ несказанно. Къ счастью наши два «Ваньки» (такъ называли туземцевъ, слѣдующихъ за войсками съ цѣлью грабежа и за это право служащихъ ротѣ, къ которой себя прикомандировываютъ), обливаясь потомъ, нѣсколько разъ бѣгали къ рѣчкѣ за водою и напоили всю роту, послѣ чего съ сознаніемъ заслуженнаго права на отдыхъ улеглись на откосѣ бугра, занятого ротою, и заснули. Заснули и мы. — Насъ внезапно разбудили раздавшіеся вблизи выстрѣлы, крики и стоны; мы вскочили, вскочили и солдаты. Оказалось, что нѣсколько солдатъ 4-го линейнаго баталіона съ юнкеромъ Лобасевичемъ бродили по полю сраженія, отыскивая свою роту. Наткнувшись на нашихъ спящихъ Ванекъ, они ихъ убили и столкнули съ бугра. Наши солдаты въ ярости бросились на этихъ солдатъ; окружили ихъ и готовы были перебить. Тѣ въ свою очередь приготавливались къ оборонѣ. Едва намъ удалось успокоить солдатъ, возму-

⁽¹⁾ Нынѣ свиты Его Величества генералъ-маіоръ.

щенныхъ такимъ звѣрскимъ убійствомъ беззащитныхъ Ванекъ, слѣдовавшихъ съ ротами съ самаго начала похода.

Къ вечеру насъ передвинули къ рѣчкѣ, гдѣ поставили въ прекрасномъ саду.

По рѣчкѣ неслись трупы. Ихъ въ одномъ мѣстѣ настолько скопилось около мостика, что пришлось проталкивать шестами.

Значительное число чиновъ всѣмъ частей разбелось, послѣ постановки ихъ на бивакъ, по дворамъ обширнаго Кишлака — пошарить или, какъ въ Туркестанѣ говорятъ, на *баранту*.

Не обошлось безъ возмутительныхъ сценъ. Къ ночи многочисленныя патрули съ офицерами были посланы выгонять всѣхъ грабящихъ.

Помню — мы натолкнулись на такую картину. Солдатъ повидимому лѣзъ въ подворотню запертаго двора. Нѣсколько человѣкъ, притаившихся у воротъ, встрѣтили его батиками и били такъ усердно, что обратили голову и плечи въ какую то безформенную массу, а ноги отъ пояса продолжали торчать изъ подъ воротъ на улицу.

Женщинъ собрали въ одинъ дворъ и приставили къ нимъ караулъ. Простояли здѣсь нѣсколько дней.

Послѣ Зеравшана генералу Кауфману предстояло рѣшить вопросъ: идти ли на Бухару или вернуться назадъ. Силы наши были слабы; въ тылу въ Самаркандѣ, обезпечивая большой городъ и линію въ полтора верста, отъ Каты-кургана до Джезака стоялъ всего одинъ баталіонъ. Шахризабцы внушали опасеніе.

Кауфманъ рѣшилъ двинуться назадъ къ Самарканду, оставивъ въ Каты-курганѣ одинъ баталіонъ (5-й подъ начальствомъ Грипенберга).

На первомъ ночлегѣ отъ Каты-кургана пришла записка отъ коменданта Самарканда, маіора Штемпеля, что онъ окруженъ, отбилъ много штурмовъ и потерялъ значительную часть гарнизона.

Насъ подняли ночью и двинули форсированнымъ маршемъ.

Шли непрерывно съ малыми отдыхами и къ ночи другого дня были подъ стѣнами Самарканда. Чтобы дать знать о своемъ прибытіи, пустили нѣсколько ракетъ, обрадовавшихся безъ мѣры истомленный гарнизонъ. На переходѣ разстрѣляли нѣсколько человѣкъ, захваченныхъ съ оружіемъ. Мнѣ приказано было на словахъ однимъ изъ лицъ штаба разстрѣлять одного. Я отказался исполнить до полученія приказанія отъ своего начальства. Пришлось разстрѣлять среди пшеницы, не привязаннаго по прочтеніи приговора. Разстрѣлянный житель Самарканда напалъ въ аріергардъ на отставшаго юнкера. Двухъ изъ нападавшихъ убили поспѣшавшіе на выручку юнкеру казаки, а этотъ третій былъ взятъ въ плѣнъ.

Съ утра двинулось нѣсколько штурмовыхъ колоннъ. Насъ велъ подполковникъ Шауфусъ (*). Велъ насъ заботливо, обдуманно. Шауфусъ не былъ для насъ чужой. Въ 1866 году при штурмѣ Ура-Тюбе онъ командовалъ штурмовою колонною, въ которую входили и наши стрѣлки. Овладевъ, послѣ очень упорнаго боя, городскою стѣною, онъ былъ заслуженно награжденъ Георгіемъ 4-й степени. Большаго сопротивленія намъ оказано не было. Шахризябцы бѣжали. Видѣли Ш.....а, сидѣвшаго въ ямѣ. Къ намъ вышла навстрѣчу изъ цитадели часть защитниковъ: черные и озлобленные. Они потеряли болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ людей и при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ защищались геройски. Шесть дней не сходили со стѣнъ. Раненные и больные вползали на стѣны, гдѣ и умирали.

Полковникъ Назаровъ и Штемпель были душою обороны.

Геройство этой горсти русскихъ людей спасло вновь завоеванный край. Пади Самаркандъ—и вся средняя Азія возстала бы. Ханъ кокандскій уже стоялъ съ многочисленнымъ войскомъ, ожидая извѣстія о первой побѣдѣ надъ русскими, чтобы двинуться къ Ташкенту, гдѣ все было подготовлено къ возстанію.

Нашему отряду, находившемуся у Каты-курмана, отрѣзали бы путь отступленія, и, пробиваясь назадъ, онъ находилъ бы однѣ развалины до самаго Перовска.

Городъ Самаркандъ, покинутый союзниками, былъ взятъ и затѣмъ отданъ войскамъ на три дня на разграбленіе и сожженіе.

За измѣну все было обращено въ развалины. Въ лагерѣ открылся базаръ. Торговцы скупали за безцѣнокъ ковры, утварь, шелкъ и проч. Многіе солдаты находили деньги. Выстрѣлы слышались три дня—днемъ и ночью.

Вслѣдъ за взятіемъ Самарканда въ лазаретѣ открылся тифъ. Изъ нашихъ раненыхъ выздоровѣлъ только самый трудный—Пирятинскій. Нѣсколько легко раненыхъ стрѣлковъ были убиты, сражаясь на валахъ. Умеръ и горнистъ Масловъ съ пробитою ногою безъ поврежденія кости.

Простоявъ нѣсколько дней, насъ вернули въ Ташкентъ. До разсвѣта насъ провели черезъ дымящіяся развалины Самарканда къ рѣкѣ Зеравшану, сильно разлившейся отъ таянія снѣговъ.

Послѣ похода сильно хотѣлось домой. До Ташкента дошли шути. Генераль. Кауфманъ перегналъ насъ и въѣхалъ въ Ташкентъ днемъ раньше. Купечество и жители устроили встрѣчу и обѣдъ какъ офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ, вернувшимся въ Ташкентъ.

Походъ 1868 года кончился.

* *

(*) Нынѣ генераль-маіоръ генеральнаго штаба.

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ОПИСАНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ПОДЪ ПЛЕЗНОЮ

ВЪ ВОЙНУ 1877 ГОДА.

Сочиненіе маіора турецкой службы Таль-атъ.

Перевелъ съ турецкаго подпоручикъ Абдурахманъ.

Въ турецкомъ изданіи къ настоящему сочиненію имѣется предисловіе, написанное редакторомъ газеты «Терджуманъ-Хакикатъ» и носящее заглавіе «Цивилизація и война 1877 года». Мы не приводимъ его здѣсь въ переводѣ полностью, такъ какъ считаемъ излишнимъ наполнять страницы военнаго журнала наборомъ трескучихъ фразъ, могущихъ служить развѣ только образцомъ турецкаго журнальнаго краснорѣчія и отчасти рекламою для сочиненія; тѣмъ не менѣе мы признали нужнымъ изложить вкратцѣ его содержаніе, дабы читатель могъ до нѣкоторой степени составить себѣ понятіе о томъ, въ какой мѣрѣ могутъ заслуживать довѣрія приведенные въ предлагаемомъ сочиненіи факты.

Начало предисловія посвящено разсужденіямъ о томъ, что человѣкъ, будучи такимъ прекраснымъ созданіемъ природы, которое, казалось бы, создано для того, чтобы пользоваться всѣми ея дарами и нравственно совершенствоваться, благодаря прогрессу и цивилизаціи направляетъ всѣ свои способности къ разрушенію и уничтоженію себѣ подобныхъ; доказательства предъ нами на лицо, когда отечество турокъ раздроблено на части, имущество гражданъ расхищено и сами они, подъ христіанскимъ игомъ,